НИКОЛАЙ БѢЛОЦВѢТОВ

ШЕЛЕСТ

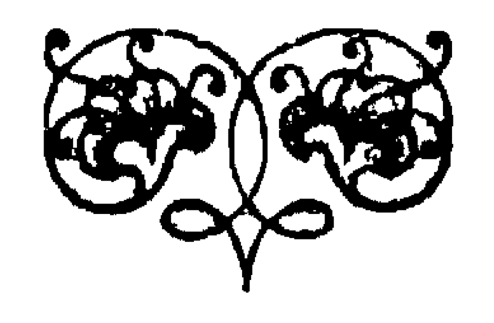
ВТОРОЙ СБОРНИК СТИХОВ

1936

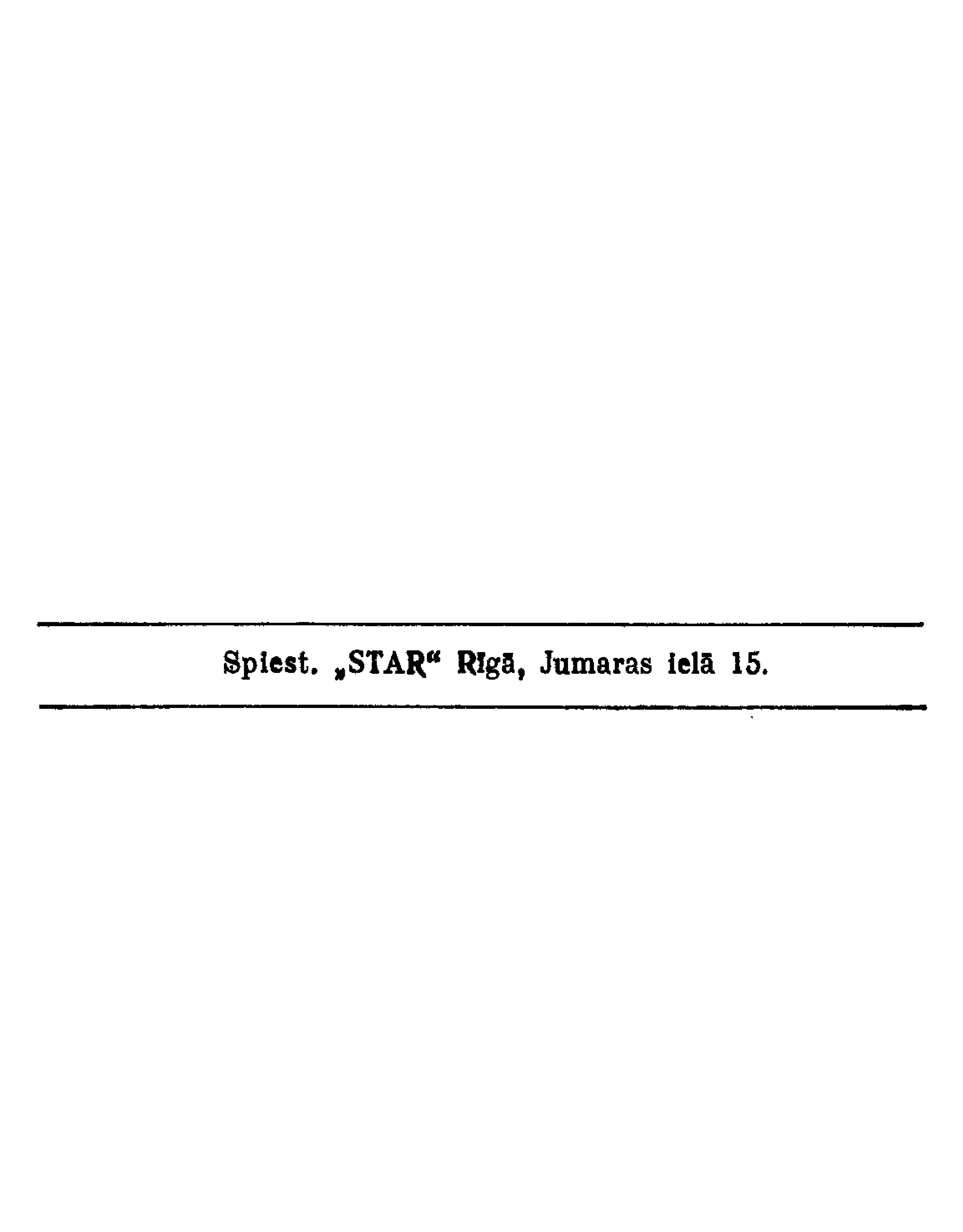
НИКОЛАЙ БѢЛОЦВѢТОВ

ШЕЛЕСТ

ВТОРОЙ СБОРНИК СТИХОВ

M. Didkovska izdevniecība
1936

Spiest. „STAR“ Rīgā, Jumaras ielā 15.

На незаконченной Твоей картинѣ
Я лишь едва замѣтный робкій штрих,
Простой мазок, одна из многих линій,
Но Ты в трудах нуждаешься моих.

Настанет день, когда я нужен буду
Для Твоего огромнаго холста,
И без меня не совершится чудо
И не обожествится красота.

В отвѣт на призрачность надежд твоих
На неувѣренность их робких крылій,
Таких же трепетных, как вѣнчик лилій,
В отвѣт на солнечный, цвѣтистый стих...

В отвѣт на жалобу, на плач, в отвѣт
На всю безоблачность твоих желаній,
Таких же ласковых, как стадо ланей
На мирном пастбищѣ ушедших лѣт...

На твой заливчатый, счастливый бред,
На отшумѣвшую в лѣтах лишеній,
На отгремѣвшую в громах крушеній, —
В отвѣт на молодость, в отвѣт на свѣт...

В то черное, страдальчески нѣмое,
Играющее мѣсяца серпом,
Пугающее маревом и тьмою,
Сверкающее в блескѣ голубом...

Широкое, как рокоты органа
В готическом соборѣ, как хорал
Божественнаго старца Снбастьяна,
Что в юности так часто я играл...

О, если мнѣ увидѣть хоть во снѣ бы
То кладбище расплавленных планет,
То черное рокочущее небо,
Котораго над нами больше нѣт!..

Не стенающій в просторах
Голос ночи снѣговой,
Не дубравы вѣщій шорох,
Не угрюмый ропот хвой,
Не колосьев лепет страстный
На груди ржаных полей,
Не торжественно прекрасный
Звон монахов-тополей,
Не прибой, не шторм, не грозы,
Не шуршанье камыша, —
Шелест горестной березы
Возлюбила ты, душа.
На твоих страницах сухо
Шелестит осенній стих,
И суровый вѣтер Духа
Перелистывает их.

Если бы можно было,
Перелетѣв столѣтья,
Перелетѣв могилы,
В тѣлѣ возстать ином,

Как прилетают в клѣти
Голуби с вѣстью к милой,
Как прибѣгают дѣти
С пѣснями в отчій дом!

Как блеклые стебли колеблются мысли,
Колеблются глуби, колеблются выси,
Лѣниво колеблются блѣдныя ветлы,
Колеблютсся блики на заводи свѣтлой,
Под ветлами лебедь колеблется бѣлый,
Колеблются волны, колеблется тѣло,
Колеблется все, что покорно простору,
И сердце твое заколеблется скоро.

Я боюсь, что яблоновым цвѣтом,
Сиротливой пѣсенкой щегленка,
А не лѣтом, не румяным лѣтом,
Не осенней паутиной тонкой...
Я боюсь, что яблоновым, сочным,
Медоносным, розовым и свѣжим,
В час, когда неотразимо нѣжен
Этот мір в сіяньи непорочном...
Я боюсь, не осенью, не лѣтом,
А под всплеск весенних бѣлых клавиш
Пряным, сладким яблоновым цвѣтом
Ты меня когда-нибудь отравишь.

СТѢНА.

Порыжѣвшая от времени стѣна
Возвышается у самаго окна,

Улыбается, привѣтствуя лучи,
Обнажая желтозубо кирпичи.

Вся в морщинах, в черных впадинах она,
Письменами давних лѣт испещрена.

И сегодня как то явственнѣе слѣд
Всѣх тревог и всѣх невыплаканных бѣд.

Оттого ль, что эта старая стѣна
Свѣтлой жалости лучем озарена,

Оттого ли, что прильнув к морщинам плит,
У стѣны бездумно яблоня грустит.

ЖЕМЧУЖИНА

Нѣжит жемчужина взор претворенною в радость печалью,
Жен озаряет земных матовым блеском любви.
Но лучезарнѣй стократ переливы страданья людского,
Но ожерелье из слез носит Царица небес.

ТВОЯ КОМНАТА.

Уродцы-кактусы танцуют на окнѣ,
Смѣшные скорченные гномы.
Широкая софа причалила к стѣнѣ, —
Корабль, в ночную даль влекомый.

И фоліантами отягощенный стол,
И классики в обложкѣ синей,
И Флавій на столѣ, и лампы ореол,
Как солнце над твоей пустыней.

Проходит часто здѣсь веселый караван,
Шагают важные верблюды,
И смуглые купцы из неоткрытых стран
Исполнить рады всѣ причуды.

И только иногда проносится самум,
Удушливой швыряясь пылью,
И кактусы дрожат, и горній слышен шум,
И пальмы клонятся в безсильи.

Настоем неба крѣпким и густым
Упился день и стал еще печальнѣй.
Как многогранный колокол хрустальный,
Оранжерея свѣтится сквозь дым.

В ней до сих пор затворницей весна
Благоухая нѣжится без неба.
День отсинѣл и, кажется, что не был,
И стеклянѣет влажно тишина.

И в тишинѣ так внятна дробь дождя,
Так прянен запах мяты и корицы,
И так легко соблазну покориться,
Средь орхидей и кактусов бродя.

Пусть только миг дано продлиться сну
И никогда не будет повторенья,
Но видѣть вновь то робкое горѣнье,
Той первой встрѣчи первую весну . . .

Прибоем снов вспѣненные покровы
Подушек легких. Жар и полубред.
Лежишь, грустишь под тяжестью лиловой.
Часы стоят. Замѣшкался разсвѣт.

Все ночь да ночь! Сосѣдка с ундервудом
И дѣтскій плач за дальнею стѣной.
Автомобиль случайный с грозным гудом
Проносится по пустоши ночной.

Нѣт, не грусти, что двор так мал и тѣсен!
Мір — не квадрат, очерченный окном.
В туманѣ дня и в сумракѣ земном
Такой простор для плача и для пѣсен!

Так хорошо почувствовать вблизи
Свой смертный час, безвѣтренный и ясный!
Но над судьбой душа твоя не властна,
И не поднять визгливых жалюзи.

Безсонница... Тревожно бредит дом.
Исходит пес в истошном хриплом воѣ,
Томится ночь под звѣздным колпаком,
И бѣг часов, как сердца перебои.

Трещит мотор, как четкій пулемет.
Заполнен сумрак уханьем орудій.
Далекій зов... О, кто его поймет!
Услышит кто тоскующих о чудѣ!

Сомкни глаза! Забудь тѣлесный вѣс,
Забудь себя, развѣйся и исчезни
В купели звѣзд, в прозрачной зыбкой безднѣ!
Не подымай с грядущаго завѣс!

Как стекол боль в заплаканный, осенній,
Дождливый день, как призраков томленье,
Как вѣчнаго забвенія рѣка,
Как пламя свѣч великаго Пятка,
Пылающих над скорбной Плащаницей,
Как черный сон, что осужденным снится,
Как тихій свист летящаго копья,
Как взмах косы, как смерть — печаль твоя!

Так раскрываются лишь Царскія Врата,
Так всходит чаша золотая,
Так неустанно от подножія креста
Молитвы отлетают стаей . . .
Так с пастбища под колокольный звон стада
К вечерней тянутся прохладѣ.
Так с неба падает звѣзда,
Так масло теплится в лампадѣ . . .
Так из святилища твоих пѣвучих уст
Звенит призыв запретных далей.
Но разоренный дом как древле слѣп и пуст
И вѣрен призракам печали . . .

Думаешь, по улицѣ мы с тобой гуляем,
Пьем, ѣдим, смѣемся, спим и в гости ѣздим!
Это заблужденье! И давно мы знаем,
Что летим навстрѣчу золотым созвѣздьям.

И, должно быть, вѣчно мы бы так летѣли,
Если бы не этот запоздалый выстрѣл,
Еслиб не дробинка, что застряла в тѣлѣ,
Еслиб не усталость, что пришла так быстро.

Помнишь рой свинцовый! Помнишь, как разтроясь,
От бѣды скрываясь, вновь расправил крылья
И на юг умчался журавлиный пояс!
Только мы отстали, изошли в безсильи.

Это не улыбка . . . Это — кровь сочится.
Это не безпечность . . . Это — агонія!
Это двѣ большія голубыя птицы
С плачем ниспадают на поля нагія.

Горевать и плакать мало толку
И ничѣм ушедшим не помочь.
Но люблю рождественскую елку,
Что горит в евангелькую ночь.

И во мнѣ такое же пыланье,
И в таком же чуждом мнѣ краю
Без корней, без соков, без желаній
На крестѣ поверженном стою.

Ничѣм, ничѣм, ни призрачной улыбкой
Развѣянных по небу лепестков,
Ни приступом безпомощной и зыбкой
Мольбы твоей, ни всплеском робких слов,
Ни умиленьем, ни любовным жаром,
Ни нѣжностью, расцвѣтшей в сердце старом,
Ни рокотом торжественных поэм,
Ни солью слез — ничѣм, ничѣм, ничѣм! . . .

Послѣднюю листву заплаканных берез
Легко мороз
Своим хрустальным изсушил дыханьем.
Мы станем
С тобой такими, как онѣ, — увянем,
Такими же мы станем, как листва,
И в ночь посыплются истлѣвшія слова
С сухим и устрашающим шуршаньем.

Из опротивѣвшей норы,
Вдыхая ѣдкій запах гари,
Сквозь дождь, туманы и пары,
Чтоб гдѣ-нибудь в укромном барѣ —
И до разсвѣта . . . А потом
У опустѣвших ресторанов,
Ища растерянно свой дом
И неожиданно воспрянув,
В испугѣ крикнув: О, приди! . .
О, Эвридика! . . . И кромѣшный
Завидѣв сумрак впереди,
Понуро, горько, безутѣшно,
Забыв достоинство и стыд,
Столичным дѣвкам на потѣху,
Не помня слов, не слыша смѣха,
Пѣтушьим голосом навзрыд.

С тѣмъ горьковатым и сухим,
Тревожащим истомой темной,
Что разстилается, как дым,
Витая над моей огромной,
Моей покинутой страной,
С протяжной пѣснью сиротливой,
В сѣдую стужу, в лютый зной,
Перекликаясь с черной нивой,
С тѣм, что рыдает, как Орфей,
О Эвридикѣ вспоминая,
С тѣм вѣтром родины моей
Лети, печаль моя ночная!

ЭЛЕГІЯ.

Скоро тронется поѣзд, и как линіи нотной тетради
Телеграфных столбов безконечно потянется сѣть,
И послушныя думы, расплетая волнистыя пряди,
Запоют однозвучно только слово одно: Умереть!

Говоришь: Невозможно... Но раскаты надмірной печали,
Но земные поклоны убѣгающих в вѣчность лѣсов.
У заплаканных стекол мы так долго о главном молчали,
Проплывающих далей заунывный мы слышали зов.

Скоро тронется поѣзд, загремят, заскрежещут колеса,
Заколотится сердце под щемящій раскатистый стук
И вдруг судорожно замрет... И не станет ни слов, ни вопроса,
И уже безнадежность в этой мукѣ заломленных рук.

ЭЛЕГІЯ.

Все о том, что годы, что сребристы
Вечера, что поздно... Все о том!
Бьются волны в грудь твою, как в пристань,
Угрожая штормом и дождем.

Все о том, да все о том, что в тѣсном,
Деревянном, черном и простом...
А потом в огромном, неизвѣстном,
Молчаливом небѣ... Все о том!

И о том, что ночь томится в плачѣ,
И о том, что звѣзды так блѣдны,
И о том, что в мірѣ все иначе,
Что незрячим снятся только сны.

А вѣдь когда-нибудь, друзья,
Как в океан впадают рѣки,
А вѣдь когда-нибудь и я,
И я когда-нибудь навѣки!
И в звѣздных сферах бытія,
В хрустальных сферах Птоломея,
И я когда-нибудь, друзья,
Перед Создателем нѣмѣя . . .
Друзья, друзья, когда-нибудь
В Его премудрости бездонной,
В пучинѣ черной утонуть
Суровым роком осужденный!..
Увы, когда-нибудь и я,
Как в океан впадают рѣки,
И я когда-нибудь, друзья,
Когда-нибудь и я навѣки!

Без упрека... Покорно... Но пойми же — навѣки,
навѣки!..
И, как облак, растаяв в голубой колыбели зари,
Гдѣ смежают свѣтила величавыя блѣдныя вѣки,
И дрожат их рѣсницы, и доносится голос: —
Умри!... —

Без упрека... Покорно... Как прохладен заоблачный воздух!
Как безвѣтренно сердце! И как близок, как близок твой час!...
И текут по ланитым золотыя падучія звѣзды,
И скорбит безконечность в миріадах заплаканных глаз.

НОЯБРЬ.

1.

И тогда в холодную могилу
Опустили солнце, и тогда
Вѣтер пѣл гнусаво и уныло
Над хрустальным зеркалом пруда.

И тогда, содрав с себя одежды,
Охал дуб, молясь за упокой,
И, простясь с послѣднею надеждой,
Ввысь грозился старческой рукой.

И тогда луна не восходила,
И тогда по зябнущим полям,
Чуть вiясь, из звѣзднаго кадила
Голубой курился фимiам.

2.

Ни к чему!... Напрасно!.. Невозможно!..
Но душа не хочет этих слов,
Этих слез надломленности ложной!
И закат по новому суров.

Облака, скрывающія звѣзды,
Скрыть не могут вѣстников благих.
Свод высок, хрусталеи горній воздух,
И прибой торжественен и тих.

Как песок в прилива час прекрасный
Зыбью строк исчерчена тетрадь.
Міp поет. Молитвы не напрасны.
И душа не хочет умирать.

Что-то душой забыто,
Только не знаю — что,
А все, что ей открыто,
Все это — не то, не то...

Увы!.. Позабыто что-то,
Да как догадаться — что!
Никто не поймет заботы.
Заботы моей, никто!

Может быть, ангел нѣжный
Коснулся души во снѣ...
Может быть, вѣтр прибрежный
В дверь постучал ко мнѣ...

Может быть, все, что было,
Может быть, все, что есть...
Вот и ловлю уныло
Дрогнувшим сердцем вѣсть.

Да, что-то душой забыто,
Только не знаю — что,
А все, что ей открыто,
Все это не то, не то...

Разувѣреніе... На бездыханном лонѣ
Безвольной бабочкой свисают паруса.
Слагаются в ладью покорныя ладони.
В потупленных глазах вечерняя роса.

Как долго плыли мы к измѣнчивой Аврорѣ!
Как много призраков в невѣрной глубинѣ!
Но сердце сѣтует. Его снѣдает горе
По том утерянном, по том ушедшем днѣ.

Увы!... Повѣрьте же, что молодость обманна,
Что поздней осенью правдивѣй зрѣет стих,
И есть в Посланіи сѣдого Іоанна
Три слова Вѣчности. Вы помните ли их!...

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.
На незаконченной Твоей картинѣ 3
В отвѣт на призрачность 4
В то черное страдальчески нѣмое 5
Не стенающій в просторах 6
Если бы можно было 7
Как блеклые стебли колеблются мысли . . . 8
Я боюсь, что яблоновым цвѣтом 9
Стѣна 10
Жемчужина 11
Твоя комната 12
Настоем неба крѣпким и густым 13
Прибои снов вспѣненные покровы 14
Безсонница . . . , ... 15
Как стекол боль в запланный, осснній . . . 16
Так раскрываются лишь Царскія Врата . . . 17
Думаешь, по улицѣ мы с тобой гуляем . . . 18
Горевать и плакать мало толку 19
Ничѣм 20
Послѣднюю листву заплаканных берез . . . 21
Из опротивѣвшей норы 22
С тѣм горьковатым и сухим 23
Элегія 24
Элегія 25
А вѣдь когда-нибудь, друзья 26
Без упрека... Покорно 27
Ноябрь 28
Ни к чему... Напрасно... Невозможно . . . 29
Что то душой забыто 30
Разувѣреніе 31
